

и прочной пользы, долженствующей быть разумной цѣлью благотворительности, проявилось и въ распоряженіяхъ Святителя въ Его предсмертномъ завѣщаніи. Оставивъ часть Своего состоянія, и при томъ меньшую часть, Своимъ самымъ ближайшимъ родственникамъ, гораздо большую половину Своихъ сбереженій Архипастырь распредѣлилъ по епархіальнымъ женскимъ училищамъ, на стипендіи для воспитанія сиротъ, дочерей именно священниковъ²⁾. Еще при жизни Имъ учреждены были двѣ стипендіи, — одна въ Смоленскомъ, другая въ Самарскомъ епархіаль-

ныхъ училищахъ; по духовному завѣщанію Онъ оставилъ капиталъ для учрежденія еще четырехъ стипендій въ Смоленскомъ, еще одной стипендіи въ Самарскомъ училищахъ, стипендіи въ одномъ изъ Московскихъ и одной стипендіи въ Архангельскомъ епархіальномъ училищѣ, какъ наиболѣе нуждающемся. Такъ онъ приходилъ на помощь истинной нуждѣ даже безъ просьбы со стороны нуждающихся, безъ всякаго вызова, побуждаемый лишь собственнымъ благосердіемъ. Вѣчная память! вѣчная память! вѣчная память нашему Архипастырю и Отцу! *Пр—й С—нз.*

С Л О В О

при погребеніи Преосвященнаго Серафима Епископа Самарскаго и Ставропольскаго.

*Тако да просвѣтитъ свѣтъ
Твой предъ челоуки, яко да
видятъ добрая дѣла Твоя и
прославятъ Отца нашего,
Иже есть на небесѣхъ.*

Такими словами привѣтствовали мы Тебя, Отецъ нашъ, когда Ты, облеченный во все благолѣпіе святительскаго сана, съ высоты этой кафедры, осѣнялъ насъ, при началѣ священнослуженія, этими знаменательными свѣтильниками, молит-

вено просвѣщая и возрѣвая сердца наши Божественнымъ огнемъ вѣры во Святую Божественную Троицу и Богочеловѣка!... Такъ, Отецъ нашъ! Отъ епископа распространяется, таинственнымъ дѣйствіемъ благодати, тотъ духовный *огнь*, который принести на землю приходилъ Архіерей Великій, — Спаситель нашъ Христосъ Господь, — огнь, о которомъ Онъ говорилъ: *«огня придохъ возрещи на землю, и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возго-*

²⁾ Преосвященный не одобрялъ стремленіе псаломщиковъ давать своимъ дочерямъ образованіе, равняющееся курсу среднихъ учебныхъ заведеній, если они не въ состояніи доставить потомъ этимъ выбившимся уже изъ своей среды дочерямъ возможности устроиться въ жизни иначе, чѣмъ живутъ ихъ родители. Прозорливо думая о будущемъ, Преосвященный жалѣлъ дѣвочекъ, которыя, получивъ образованіе, какое дается въ епархіальныхъ училищахъ, чувствуютъ себя потомъ пренесчастными, когда имъ приходится вернуться въ родительскій домъ, къ черной работѣ сельскаго быта, къ родителямъ, которымъ они стали чужды по своимъ понятіямъ и вкусамъ. Кромѣ того, придавая большое значеніе наслѣдственности, Преосвященный не надѣялся, чтобы и по способностямъ

своимъ къ обученію дочери псаломщиковъ могли имѣть преимущество и даже равняться съ дочерьми священниковъ, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, псаломщики потому и не достигли болѣе высокаго положенія въ своемъ званіи, что были менѣе одарены способностями. Потому то Преосвященный, не заграждая путь къ образованію въ епархіальныхъ училищахъ для дочерей псаломщиковъ положительнымъ правиломъ (какъ это и было, на примѣръ, сдѣлано въ Смоленскѣ однимъ изъ предмѣстниковъ Владыки, глубоко уважаемымъ имъ Преосвящ. Тимоѣемъ) тѣмъ не менѣе считалъ и несправедливымъ, и неблагоприятнымъ способствовать поддержкою изъ епархіальныхъ средствъ дочерямъ псаломщиковъ отбиваться по образованію отъ той среды, въ которой послѣ имъ приведется жить.

рѣлся!»! (Лк. XII, 49). Но огонь вѣры и благочестія, таинственно и сокровенно горя въ сердцахъ вѣрующихъ, просіяваетъ въ мірѣ дѣлами; даже и намъ заповѣдано отъ Господа: *такъ да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоуки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ*. (Мѡ. V, 16) а кому же и сіять свѣтомъ добрыхъ дѣлъ, какъ не свѣтильнику, стоящему на свѣщникѣ (сх. 15) святительства?—*не можетъ градъ укрытися, верху горы стоя* (сх. 15). И такъ намъ, дабы прославить въ тѣлесахъ нашихъ и въ душахъ нашихъ (1 Кор. VI, 20) Отца нашего иже на небесѣхъ—а прославлять Его не иначе возможно, какъ дѣлаясь совершенными, *якоже и Отецъ нашъ небесный совершенъ есть* (Мѡ. V, 48), по слову Его: *святѣ будете, якоже Азъ святъ есмь* (I Петр. I, 16)—намъ, дабы прославить Отца нашего небеснаго приближеніемъ къ Его святости и совершенству, слѣдовало бы только идти, взирая на неугасаемый свѣтильникъ дѣлъ нашего почившаго Отца и Архипастыря; а дѣло проповѣдника въ настоящій день и часъ, повидимому, не въ иномъ чемъ должно бы состоять, какъ только—чтобы поставить на виду всѣхъ скрывающееся *подъ снудомъ, да свѣтитъ свѣтильникъ всѣмъ иже въ храминѣ сущъ*. (Мѡ. V, 15).

Но строгое приказаніе почившаго смыкаетъ уста проповѣдующему. Почившій Архипастырь, строго охраняя величіе сана, которымъ былъ облеченъ,—считая долгомъ своимъ охранять положенные каждому отъ Господа предѣлы, и этимъ озаботился: «наблюдите», наказывалъ Онъ умирая, «чтобы въ рѣчахъ надъ гробомъ моимъ не допускалось никакого восхваленія дѣлъ моихъ: пасомые не

должны, да и не могутъ быть судіями дѣлъ своего архипастыря; они могутъ видѣть только—какъ онъ дѣлалъ дѣло свое,—усердно или не усердно,—а каково самое дѣло его,—не имъ судить».

И такъ, отцы и братія, по указанію почившаго, *сюда направимъ взоры свои; да просвѣтитъ предъ нами свѣтъ святительскаго Его дѣланія, къ прославленію Отца нашего небеснаго*, чрезъ наученіе у Него, *какъ Онъ совершалъ дѣла свои* и какъ намъ уподобляться Ему въ совершеніи нашихъ.

Изъ насъ, приближавшихся къ Нему, при жизни Его, по дѣламъ служенія, кому не случалось испытывать чувство, какое испытываютъ несовершеннолетніе дѣти въ отношеніяхъ къ отцу своему? Онъ началъ и приучалъ насъ дѣйствовать во всемъ съ разумніемъ и рассужденіемъ; но Онъ не могъ говорить съ нами какъ равный съ равными по разумнію; большинство изъ насъ, если не всѣ,—и дожившіе до старости,—чувствовали себя предъ Нимъ недоразумѣвающими многого еще дѣтьми. Предоставляя времени и опыту жизни сдѣлать свое дѣло, иногда Онъ говорилъ: «теперь вы иначе смотрите на это; но, придетъ время, и вы поймете и будете думать также, какъ я». Тѣмъ дороже должны быть для насъ тѣ рѣдкіе случаи, когда Онъ, снисходя до нѣкотораго равенства съ нами, открывалъ много двери сердца Своего и давалъ заглянуть во внутреннюю храмину души Своей.

Но первый же шагъ за Нимъ едва ли не окажется для большинства изъ насъ невозможнымъ!... Онъ говорилъ, что для Него не оставалось вопросовъ въ области вѣры: разъ пересмотрѣвъ всѣ эти вопросы, разъ порѣшивъ неизбѣжныя для разума испытанія въ области вѣры, разъ озна-

комившись съ предѣлами вѣдѣнія, доступнаго намъ въ настоящей жизни, Онъ уже оставался навсегда спокоенъ духомъ. Онъ не порывался, подобно Ап. Петру, — когда тотъ еще не былъ облагодатствованъ пріятіемъ Духа Святаго въ день Пятидесятницы, — не порывался пускаться въ пучину Божественнаго вѣдѣнія, доколѣ облеченъ брэнною плотію; но потому и не испытывалъ сомнѣній маловѣрія. Крѣпко держась простертой намъ руководительной десницы *единого Учителя Христа*, (Мѡ. XXIII, 8) — руководительства, даннаго намъ въ вѣрованіи Церкви Православной, — Онъ предавался, какъ духовному удовольствію, чтенію новозавѣтныхъ священныхъ книгъ на томъ языкѣ, который избралъ Духъ Божій для выраженія людямъ Божественныхъ тайнъ откровенія. Но мало оставалось Ему времени, чтобы предаваться такому *утѣшенію Писаніемъ* (Рим. XV, 4); Онъ позволялъ Себѣ это духовное утѣшеніе тогда, когда болѣзнь лишала Его всякой возможности заниматься дѣлами архипастырскаго служенія... За то вѣра и явилась Ему божественною утѣшительницею на болѣзненномъ одрѣ послѣднихъ предсмертныхъ часовъ его жизни: голосомъ, который едва можно было слышать отъ слабости, языкомъ, на который приближающаяся смерть налагала уже свои узы, Онъ повторялъ Никео-Константинопольское исповѣданіе вѣры Православной и особенно останавливался умомъ и сердцемъ на послѣднихъ утѣшительныхъ словахъ этого исповѣданія: *исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ; чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка*. Читая символъ вѣры, эти послѣднія слова его повторялъ Онъ многократно.

Быть можетъ, въ настоящемъ собраніи есть и такіе сыны церкви, которые обуреваются волнами сомнѣній относительно предметовъ вѣры; быть можетъ, есть и такіе, что, съ юношескою отвагою, если не съ младенческимъ неразуміемъ, пускаются въ море Писаній, ввѣряются руководству самозванныхъ толкователей Писанія, хвалящихся, будто-бы уже переплывали это море... Въ часъ, когда такіе самонадѣянныя *испытатели Писаній* образумятся и увидятъ опасность, — въ часъ, когда изъ груди ихъ готовъ будетъ вырваться крикъ: *Господи! спаси ны! погибаемъ!*... (Мѡ. VIII, 25) (а лучше бы, если бы раньше, чѣмъ настанетъ часъ конечной гибели!..) — да вспомнятъ такіе о почившемъ нынѣ Кормчемъ нашего корабля. Не думаютъ ли они о себѣ, что одарены отъ Господа большими духовными богатствами умственными? Не думаютъ ли о себѣ, что основательнѣе и обширнѣе изучили Писаніе, чѣмъ Онъ? а вотъ Онъ достигъ *пристанища небурнаго* съ молитвою и исповѣданіемъ вѣры на устахъ...

Но какъ намъ управлять по вѣрѣ жизнь свою, направляясь за свѣтомъ вѣры почившаго нашего руководителя? Если послѣдованіе ему въ вѣрѣ оказывается для насъ недоступнымъ, — ибо область вѣры есть область невидимаго, вѣчнаго и небснаго (2 Коринѡян. IV, 18. Іоанна III, 12) — то въ жизни Онъ шествовалъ по землѣ (Апокал. VIII, 1, XII, 4) тѣхъ же порядковъ, требованій, отношеній къ людямъ, какъ и мы; здѣсь какъ намъ направлять стопы свои по слѣдамъ Его?

Вотъ какое правило завѣщалъ Онъ намъ, братіе: Онъ говорилъ о Себѣ: «Ни на какое дѣло я не напрашивался,

но и ни отъ какого поручаемаго мнѣ дѣла я не отказывался“. Въ этомъ и было Его смиреніе. Кто изъ насъ, отцы и братія, не зналъ Его дальновидной предусмотрительности! Какъ часто она останавливала даже дѣятельность Его и заставляла, повидимому, бездѣйствовать—тамъ, гдѣ другіе наполняютъ окружающее пространство шумомъ дѣлъ своихъ. Однако-же, никогда не преступалъ Онъ предѣловъ, положенныхъ Ему отъ Господа, вѣрно труждаясь въ тѣхъ *дѣлахъ, яже предуготова* Ему на пути жизни *Богъ, да въ нихъ ходитъ* (Еф. II, 10). Онъ даже мнѣнія Своего не высказывалъ, доколѣ Его не спрашивали, въ дѣлахъ, въ которыхъ руководить другихъ собственнымъ мнѣніемъ не было Его прямой обязанностью. И высказавъ мнѣніе, Онъ не настаивалъ на Своемъ, предоставляя Господу дѣлать угодное Ему. Но не разъ бывало, что въ собраніяхъ отцевъ, когда Онъ, какъ младшій между ними, послѣднимъ высказывалъ Свое мнѣніе,—дальновидная мудрость, гласившая Его устами, заставляла отмѣнять или измѣнять принятое уже всѣми рѣшеніе. Тамъ же, гдѣ верховное руководство дѣлами составляло прямую Его обязанность,—мы знаемъ,—ничто не дѣлалось иначе, какъ въ осуществленіе Его Архипастырскаго руководственнаго распоряженія. Онъ выслушивалъ мнѣнія помощниковъ Своихъ по дѣламъ, къ какому кто изъ нихъ былъ приставленъ, и если видѣлъ, что дѣло не доведено до требуемаго совершенства,—и два, и три раза, и болѣе отлагалъ его, доколѣ не имѣлъ времени и возможности дать ему надлежащее направление. Да! Онъ былъ строгій отецъ и, не раздражаясь, не возвышая Своего отеческаго голоса, какъ мудрый и вѣр-

ный приставникъ въ дому Небеснаго Домовладыки, (Лк. XII, 42), умѣлъ каждому указать его работу и никому не попускалъ *творить дѣло Божіе съ небреженіемъ*. И чадъ Своихъ Онъ воспитывалъ въ томъ же правилѣ жизни,—на дѣла нетребуемая отъ нихъ не напрашиваться, но и ни отъ какого, порученнаго каждому дѣла не отказываться. Когда кто изъ исполнителей Его воли, входилъ въ Его разумѣніе,—Онъ радовался; когда кто не достигалъ еще того же разумѣнія,—долженъ былъ исполнять должное еще какъ рабъ, который *не вѣсть что творитъ господинъ его* (Іо. XV, 15); освобождалъ Онъ отъ исполненія поручаемаго дѣла исполнителя, неруководящагося тѣмъ же разумѣніемъ, лишь тогда, когда исполненіе повелѣннаго было бы стѣсненіемъ чужой совѣсти... Долгъ, законность, справедливость—вотъ что было для Него въ жизни выше всего; справедливость Онъ ставилъ даже выше милосердія, опасаясь, какъ бы милосердіе къ однимъ не оказалось несправедливостью къ другимъ; Онъ подчинялся даже слугѣ Своему, когда тотъ предъявлялъ Ему требованія во имя законности; долгъ ставилъ Онъ даже выше милости, говоря, что люди часто милостью и добротою называютъ только слабость, т. е. неразумительную уступчивость голосу сердца. Таковъ былъ, по разумѣнію нашему, видимый для всѣхъ суровый обликъ этого истиннаго ученика Предтечева; не напрасно останавливался Онъ не разъ Своею испытательною мыслию на словахъ Господа, изреченныхъ величайшему изъ пророковъ: *надлежитъ намъ исполнить всякую правду...* (Мѡ. III, 15) Но когда Онъ пріотворялъ немного дверь во внутреннюю храмину души Своей, то

давалъ видѣть, что во одеждѣ *правды* являлась часто никѣмъ неузнаваемая *милость*,—что долгъ, справедливость и законность только подсказывали Ему выборъ между различными способами осуществлять милосердіе,—что часто самый отказъ въ испрашиваемой милости былъ дѣломъ соображенія дальновидной любви къ тѣмъ самымъ, кому было отказываемо въ прошеніи. Если бы одинъ суровый долгъ былъ мертвымъ правиломъ внутренней жизни почившаго Архипастыря и Отца нашего, если бы не жила въ Его сердцѣ Христова любовь къ чадамъ церкви Христовой, то не проливалъ бы Онъ слезъ при одномъ мысленномъ представленіи объ угрожающихъ Церкви Христовой бѣдствіяхъ и опасностяхъ...

Братія!... отцы и братія! Чтобы любовь, сострадательность и милость стали для насъ не просто потребностію сердца—, потребностію, удовлетворять которой легко и сладостно, которой отказывать въ удовлетвореніи трудно и прискорбно,—но чтобы они являлись намъ какъ долгъ, справедливость и законность,—какъ многимъ изъ насъ и въ этомъ далеко еще

до послѣдованія за нашимъ почившимъ Пастыремъ! какъ долго еще нужно намъ обучать себя и воспитывать *да послѣдуемъ стопамъ Его!*... (I Петр. II, 21).

Отецъ мой и Архипастырь мой! Прости мнѣ, если я не сумѣлъ исполнить Твое завѣщаніе; если я, говоря въ назиданіе паствѣ Твоей, по долгу проповѣдника слова Божія, о томъ, *какъ* дѣлалъ Ты въ жизни данное Тебѣ отъ Господа дѣланіе, неумѣло коснулся языкомъ своимъ самыхъ дѣлъ Твоихъ; но *не можетъ градъ укрытися, верху горы стоя, ниже вжигаютъ свѣтильника и поставляютъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, да свѣтитъ вѣмъ, иже во храмъ суть. Тако да просвѣтитъ свѣтъ Твой предъ людьми, яко да видятъ добрая дѣла Твоя и прославятъ Отца нашего, иже есть на небесѣхъ* (Мѡ. V, 14—16).

Да отверзутся очи Твои, закрывшіяся для нашего земнаго свѣта и, *во свѣтъ* лица Божія, да *узрятъ* вождѣленный *свѣтъ* небеснаго радованія. Аминь.

Каѳедральный протоіерей *В. Лаврскій*.

Пресвященный Серафимъ, Епископъ Самарскій и Ставропольскій.

Паства Самарской епархіи понесла тяжелую утрату: 11 января, въ три часа двадцать минутъ по полудни, скончался, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, Пресвященный Серафимъ, епископъ Самарскій и Ставропольскій.

Почившій Архипастырь Серафимъ, сынъ священника г. Москвы, на Срѣтенкѣ, Іоанна Протопопова, въ мірѣ носилъ имя Симеона, обучался въ Мо-

сковской Духовной Семинаріи, а высшее богословское образованіе получилъ въ Московской Духовной Академіи въ то время, когда въ этомъ заведеніи преобладало, съ одной стороны, возбужденіе и напряженіе философствующаго духа подъ вліяніемъ идеалистической философіи Гегеля, а съ другой—строгое охранительное направленіе идеи православія, особенно при такомъ зоркомъ наблюдателѣ и